

А. П. Керзум

Иоганн-Готфрид Грегори

Создатель первого театра в России Иоганн-Готфрид Грегори (Johann Gottfried Gregory), он же «мастер Ягань Готфрит Григорьев Мартысбургенской», родился 15 мая 1631 года (по другим сведениям в 1625 году) в Саксонии, в городе Марбурге, в лютеранской семье. Саксония тогда была самостоятельным германским княжеством. К моменту рождения Грегори лютеранство в этой земле было господствующим вероисповеданием в течение уже более ста лет. Отцом российского культуртрегера был марбургский аптекарь Викторинус Грегори, о котором мало что известно, матерью — Анна-Мария, урожденная Донат. Вскоре после рождения сына она овдовела и вторично вышла замуж за будущего лейб-медика русского царя Алексея Михайловича — Лаврентия Алферовича Блуменроста, на момент женитьбы на вдове Грегори — саксонского доктора. О нем и его детях нам еще придется говорить. Сведения о ранних годах жизни Грегори скудны и противоречивы. Нет определенных данных о том, где получил образование будущий учитель, пастор, драматург и сценограф, хотя его ученость была сразу замечена по прибытии в Москву. Известно, что он не пошел по родительской стезе, хотя наследование профессий было достаточно характерным явлением для Германии того времени. Грегори удалось обзавестись офицерским патентом и послужить по военной части под знаменами шведского и польского королей. О его ратных подвигах мы ничего не знаем.

В октябре 1658 года Иоганн Грегори появляется в России, в Немецкой слободе, живописно представленной в романе Алексея Толстого «Петр Первый». События, связанные с жизнью и деятельностью Грегори в слободе, выразительно иллюстрируют

Иоганн-Готфрид Грегори

сложное переплетение русско-немецких и православно-лютеранских отношений в допетровской Москве. Первоначально, в 1658–1659 годах, Грегори занимал должность учителя приходской школы и помощника пастора Фадемрехта Старой лютеранской кирхи св. Михаила. Вскоре он оказался втянутым в конкурентную борьбу двух лютеранских приходов. За год до приезда Грегори в Россию, сюда же на службу прибыл полковник лютеранского вероисповедания Николай Бауман. Он оказался умелым специалистом и отличным организатором. Заслужив расположе-

ние царя Алексея Михайловича, Бауман занял видное положение в Немецкой слободе. Он пригласил пастора Иоанна Дитриха Фокерота из Тюрингии на освободившееся место при старой кирхе. Откликнувшийся на письмо Фокерот приехал в феврале 1658 года и лишь по прибытии узнал, что кирхи, в которой его приглашали служить, уже не существует, поскольку вдова покойного пастора и ее новый муж подполковник И. Юкман разобрали ее за ненадобностью. В слободе осталась только одна лютеранская кирха — пастора Фадемрехта, к которому перешли прихожане покойного пастора Якоби и где был учителем Грегори. К этому времени вернувшийся из Конотопского похода Бауман был пожалован генеральским чином. Найдя Фокерота не у дел, а кирху разобранной, генерал принял его на собственное содержание. В результате долгой тяжбы с подполковником Юкманом с привлечением к делу

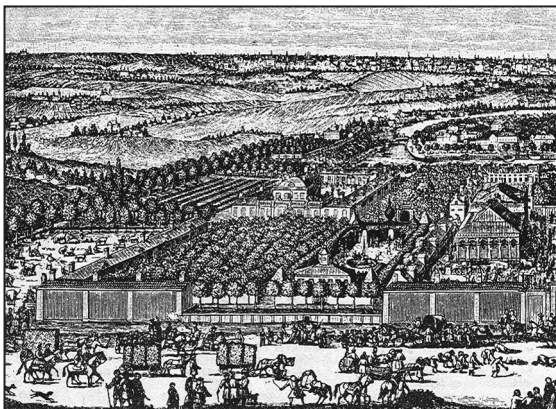
Земского Приказа, он к концу 1660 года смог добиться решения о восстановлении прежней кирхи.

Для постройки здания Бауман сделал крупное пожертвование, активно призывая к этому и бывших прихожан пастора Якоби. Среди дарителей был и царь Алексей Михайлович. Такой поворот событий не понравился пастору Фадемрехту, не желавшему терять часть прихода. Бауман решил заменить Фадемрехта школьным учителем Иоганном Грегори, который не возражал против того, чтобы стать пастором. Для задуманного требовалось получить пасторскую ординацию. Ординации должна была предшествовать защита диссертации по богословию, для чего следовало ехать в Германию. Генерал Бауман в 1662 году отправил Грегори за свой счет в Иену. Там бывший военный, а затем учитель, подготовившись в местном университете, защитил диссертацию, получив степень магистра богословия. После этого Грегори, представив соответствующие дипломы, подал прошение в Дрезденскую лютеранскую консисторию. В саксонской столице он был ординирован в пасторы в присутствии курфюрста Иоганна Георга II.

Возвратившись в Москву в октябре 1662 года и ожидая, когда отстроится кирха, Грегори читал проповеди в доме генерала Баумана. Вскоре его красноречие и образованность стали привлекать туда все большую аудиторию. Пасторы Фадемрехт и Фокерот не были рады конкуренции со стороны нового проповедника. Грегори спасало только заступничество Баумана и слободских старшин. Дело дошло до того, что в январе 1663 года пасторов заставили даже дать письменное обязательство оставить Грегори в покое.

В 1665 году кирха была готова, но на внутреннюю отделку средств не хватило. Прихожане во главе с Бауманом решили отправить пастора Грегори в Германию еще раз, снабдив «просительным письмом» к владетельным особам. Письмо подписали влиятельные московские слобожане. Узнав о том, что из Москвы в Европу поедет надежный человек, русские власти так же «нагрузили» его своими поручениями. Пастору Грегори предлагалось найти знающего доктора для царского двора и нанять хороших кузнецов, «рудознатцев», литейщиков, которыми славилась Саксония. По части сбора средств на кирху ему удалось добиться помощи со стороны саксонского курфюрста Иоганна Георга II, герцога

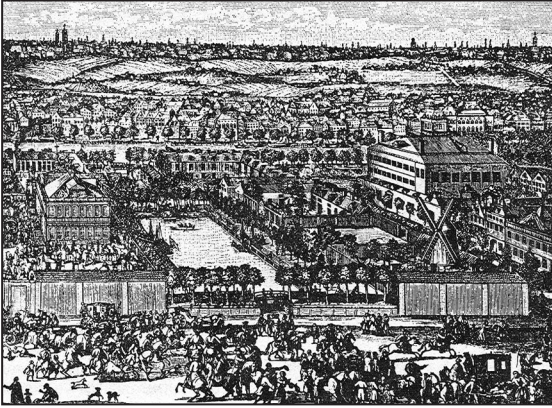
Эрнста I Благочестивого, маркграфа Баденского и других немецких вельмож. Поручение же русского правительства относительно мастероврудного, суконного, красильного и ювелирного дела он выполнить не смог, поскольку курфюрст не дал согласия на такое

Немецкая слобода конца XVII века

«перемещение кадров». Примечательно, что во время поездки в 1667 году в городе Штутгарте Грегори издал стихи о России собственного сочинения. Собрав значительные пожертвования, Грегори управился и с подбором медицинского персонала. Обратившись в Россию вместе с ним отправилась вся его семья во главе с отчимом, доктором Лаврентием Блументростом, которого Грегори в своих письмах рекомендовал князю Ромодановскому как искусного лекаря, вполне подходящего для должности придворного врача. Вместе с доктором прибыли его жена (мать Иоанна Готфрида), два сына, две дочери, прислуга и ассистент Лаврентий Ринхубер.

Грегори возвратился в Россию в мае 1668 года и был назначен пастором лютеранской церкви Немецкой слободы, освященной во имя свв. Петра и Павла 2 февраля 1669 года и устроенной на средства Баумана на его же земельном участке. Однако пока Грегори был в Саксонии пастор Фокерот подал русскому правительству донесение, в котором утверждал, что его конкурент — проходимец, бежавший в Москву из Польши, спасаясь от преследования тамошних властей, желавших арестовать его за «мерзкие поступки». Следствием этой бумаги стало недоверие русских властей. Положение дел еще более ухудшилось, когда вскоре после приезда, 31 мая 1668 года, служа в новой кирхе, пастор Грегори

С гравюры Генриха де Витта

вознес благодарственную молитву сначала за курфюрста саксонского и лишь потом — за русского царя. Фокерот, как только ему стало об этом известно, тут же поставил в известность о происшествии русские власти. В ответ 10 сентября 1668 года Ба-

уман подал на Фокерота жалобу, но суд, состоявшийся 23 декабря 1668 года, взял сторону клеветника, и его постановлением место Грегори было отдано Фокероту. Этим дело не закончилось, и 6 января 1669 года, во время обряда водосвятия на Москве-реке, генерал Бауман подал царю Алексею Михайловичу челобитную, в результате которой 2 февраля 1669 года кирха перешла в полное распоряжение пастора Грегори. Для Фокерота же прихожане выстроили новую кирху на месте прежней, там, где служил Якоби, и таким образом конфликт между пасторами был улажен. Это было очень кстати для Грегори, поскольку в следующем, 1670 году его главный покровитель генерал Бауман покинул Москву. У него истек срок контракта, остаться же в России еще на один срок Бауман не захотел и, осыпанный наградами и почестями, уехал в Данию. Грегори же продолжил пасторское служение в церкви свв. Петра и Павла в Немецкой слободе.

При церкви была открыта приходская школа, оборудованная на средства немецкого герцога Эрнста I Благочестивого. Это учебное заведение было бесплатным и предназначалось для детей без различия сословий и вероисповедания. Оно фактически стало первым примером образовательных заведений такого широкого типа. При школе Иоганн Грегори основал домашний театр для представления пьес духовно-нравственного содержания.

В Западной Европе XVII столетия школьные театры являлись обычной частью учебного процесса. Спектакли были своего рода повторением пройденного материала и его актуализацией. В западной драматургии того времени существовал целый жанр «школьных пьес». Следуя проверенному методу обучения, Грегори решил тоже создать при своей школе театрик и даже сам писал для него пьесы духовно-нравственного содержания. Помогал ему ассистент его отчима Блаументроста, уже упоминавшийся Лаврентий Ринхубер, который, учась в свое время на медицинском факультете лейпцигского университета, выходил на сцену в студенческой труппе, с которой совершал гастрольные поездки по Германии. Оказавшись в Москве «без определенных занятий», Ринхубер тем не менее время проводил с большой пользой, помогая в школе Грегори и усердно изучая русский язык, занимаясь им с толмачами Посольского приказа, которым сам он, в свою очередь, помогал с переводами. В дальнейшем Ринхубер сделал хорошую дипломатическую карьеру при разных европейских дворах, стал известен на Западе как крупный специалист по России.

Российская элита того времени, по крайней мере часть ее, обращала пристальное внимание на реалии западноевропейской жизни. Россия второй половины XVII столетия стояла перед выбором культурной парадигмы дальнейшего развития. Ей предстояло определить путь своего развития — Запад или Восток? Технические достижения Западной Европы, особенно в военной области, были неоспоримы для России. Греховность западноевропейской культуры в глазах российского общественного мнения и руководившей им православной церкви заключалась прежде всего в католицизме. Протестантизм в целом и лютеранство в частности, как враг католицизма, рассматривались на Руси в качестве более приемлемого варианта.

Трудно сказать, что больше привлекло русскую элиту в театральных затеях Грегори — полезность театра как познавательного средства или его развлекательная сторона. Так или иначе дело касалось ознакомления и заимствования не военного или технического, а общекультурного феномена — театрального искусства. Русская культура того времени знала лицедейство скоморохов, рассказчиков, игру гусяров и других представителей народного

творчества. Эти формы деятельности считались развлекательными и церковью не поощрялись. Тем более интересным выглядел опыт Иоганна Грегори, где театральное представление имело и образовательное и воспитательное значение.

Про школьный театр в Немецкой слободе среди москвичей ходило немало разговоров. Этим новшеством заинтересовался Артамон Сергеевич Матвеев, близкий друг царя Алексея Михайловича, видный сановник и вершитель многих дел в русском государстве. Будучи женатым на шотландке из рода Гамильтонов, перебивших в России фамилию на Хомутовых, Артамон Сергеевич был из тех первых русских «западников», которые внимательно присматривались к иностранным диковинкам и стремились использовать их для пользы России. У себя в доме он завел из числа личных слуг небольшую труппу музыкантов и актеров, прошедших соответствующее обучение у немецких учителей. Овдовевший и потерявший старшего сына царь Алексей Михайлович любил бывать у Артамона Сергеевича, отдыхая душой в приватной обстановке его дома, лишенной дворцовой церемонности. Во время этих частных визитов Алексей Михайлович познакомился с дальней родственницей супруги Матвеева, девицей Натальей Кирилловной из рода Нарышкиных, дочерью небогатого тарусского дворянина, принятой состоятельными и знатными родственниками под опеку. Наталья Кирилловна царю понравилась, и вскоре он на ней женился. Поскольку Алексею Михайловичу и молодой царице Наталье новое зрелище в доме Матвеева пришлось по вкусу, то празднество по случаю рождения их первенца Петра, в дальнейшем императора всероссийского, было решено увенчать настоящими театрализованными представлениями. Как известно, будущий преобразователь России родился в 1672 году.

Организация первого в России театрального представления была поручена Артамону Матвееву, что поставило его в весьма затруднительное положение. Осознавая всю сложность возникшей перед ним задачи и, видимо, отдавая себе отчет в исторической значимости события, осторожный и опытный Артамон Сергеевич решил пригласить для выступления на сцене профессионалов. Он отправил в Ригу друга пастора Иоганна Грегори, немецкого офицера Клауса фон Штадена, дав ему распоряжение отыскать

и пригласить в Москву театральную труппу из числа тех, которые во множестве разъезжали тогда по городам немецко-шведской Прибалтики. Посланец Матвеева застал в Риге труппу известного театрального директора Иоганна Фельтона. Однако, несмотря на все заманчивые предложения фон Штадена, труппа Фельтона ехать в Москву отказалась. Ее пугали рассказы о том, что иностранцев, отправившихся жить и работать в Московию, окружают богатством и почетом, но обратно уже не отпускают. Возможно, актеров и их руководителя смущала также сама идея организации спектакля в стране, где театр вообще был неизвестен как явление. Матвеев, вероятно, понимал последствия отрицательного результата поисков. Оценив ситуацию, он обратился за помощью к хорошо ему известному пастору Грегори, который, в свою очередь, был только рад отличиться в глазах самодержца и правящей элиты России. В этом их положение было схоже: и для Матвеева, и для Грегори с его семейством постановка спектакля была важнейшим событием, а для последнего — и решающим эпизодом его жизни.

По рекомендации Артамона Сергеевича Грегори вызвали во дворец, где сам царь «указал тому иноземцу, магистру Ягану Готфриду, учинить комедию, и на комедии действовать из Библии книгу Эсфирь, и для того действа устроить хоромину». Таким образом, выбор сценария принадлежал самому царю Алексею Михайловичу. Чем был мотивирован этот сюжетный выбор — сказать трудно. Обычно для так называемых «вертепов» — сценок, разыгрывавшихся на Рождество, выбирались эпизоды из Нового Завета. В данном случае решили инсценировать ветхозаветную историю. Не исключено, что выбор был как-то связан с влиянием новой жены царя. Грегори, взвесив свои силы, принял лестное и ответственное предложение. Возможно, в его положении отказ и не предусматривался. Смысл библейской истории заключается в спасении еврейского народа от истребления женой персидского царя Артаксеркса Эсфирью, действовавшей под руководством некоего Мардохея и разоблачившей происки врага иудеев Амана. Задача состояла в том, чтобы на основе библейского повествовательного текста создать драматический вариант. Пастор Грегори был не лишен литературного таланта; он создал сначала немецкую версию пьесы, затем перевел ее на русский язык. В результате

из под его пера вышла «трагическая комедия» «Артаксерксово действо». По мнению специалистов, сюжет перекликался с событиями из жизни самого царя. Судьба Эсфири была похожей на судьбу Натальи Кирилловны, Мардохея — на Матвеева, под Аманом можно было разуть царского дворецкого Богдана Матвеевича Хитрово. Тексты драматических сочинений Грегори изобилуют многочисленными полонизмами и украинизмами, устраненными германизмами, что очень характерно для русского языка второй половины XVII столетия. Предисловие начиналось словами: «О, христианский мир государства Российского! Останови на миг свой бег. Удели толику твоего драгоценного времени нашему действию, раскрой ему навстречу свои глаза и уши...». В целом пьесы Грегори по своему характеру примыкают к так называемым английским комедиям, распространенным на Западе в XVI и первой половине XVII столетия.

Местом устройства «комедийной хоромины», в которой предстояло разыграть готовившееся представление, определили село Преображенское, все работы по созданию фактически первого русского придворного театра велись под наблюдением Артамона Сергеевича Матвеева. В октябре 1672 года «хоромина» была готова. Началась ее внутренняя отделка, которая поражала своей роскошью и великолепием: стены зала драпировали «черевчатым» (красным) и зеленым сукном. Готовили костюмы и декорации: «...Шилось всякое потешное платье и написаны рамы перспективного письма». «Рамами перспективного письма» называли декорации. Росписью «хоромины» и устройством декораций занимался гамбургский живописец Петер Шимс, которого в русских документах называли «мастером перспективного дела». Оркестр получился сводным: в нем участвовали домашние музыканты Матвеева (которыми руководил органист Симон Гутовский) и служители кирхи, где проповедовал Грегори.

С постановкой спектакля пастору помогал прежний коллега, учитель Георг Хюбнер, вместе с которым Грегори когда-то приехал в Москву. Живя в Немецкой слободе, Георг Хюбнер женился на дочери тамошнего обывателя Андрея Юта и завел собственное хозяйство. Он продолжал находиться в самых дружеских отношениях с пастором Грегори, и когда потребовалась помощь, Хюбнер

взял на себя часть трудов, войдя в число помощников пастора. А их было немало: покупкой, доставкой и настройкой «арганов» ведал Тимофей Гасенкраух с «игрецами» (т. е. актерами) Матвеева; Иоганн Пальцер, взявший на себя труд по переписке пьесы и ролей, а также упоминавшийся ранее Лаврентий Ринхубер, имевший богатый сценический опыт и занимавшийся подготовкой актеров (репетируя с ними на немецком и русском языках при содействии своих товарищей, толмачей Посольского приказа). Помимо вышеуказанных лиц пастору, а теперь и комедиографу Иоганну Грегори помогал и учитель приходской школы Юрий Михайлов. Не исключено, впрочем, что это русское имя Георга Хюбнера. В результате пастор собрал на Москве «детей разных чинов служилых и торговых иноземцев, всего 64 человека» и стал с ними разучивать комедию об Эсфири, оно же «Артаксерксово действо».

Премьера «Артаксерксова действия» состоялась 17 октября 1672 года. Получилось богатое представление с огромной массовой и множеством персонажей, длившееся более десяти часов, в течение которых на сцену выходили актеры, певцы и танцоры. Это были ученики Грегори, дети офицеров, купцов, ремесленников Кукуйской слободы. По свидетельству очевидцев, на сцене артистическим талантом блистал Лаврентий Христиан Блуентрост, младший сын доктора Блуентроста (сводный брат пастора Грегори), исполнивший одну из главных ролей. Но те же очевидцы забыли указать, кого именно изображал юный Лаврентий: Эсфирь или Артаксеркса? Не исключено, что именно Эсфирь, поскольку дебютанту было только 17 лет, а по обычаю старинного театра женские роли поручали юношам или подросткам, не имевшим бород и усов.

Царское семейство взирало на спектакль, сидя в креслах, обитых красным сукном, а остальная свита разместилась на простых деревянных скамьях. Алексей Михайлович с Натальей Кирилловной были совершенно захвачены представлением и буквально не отрывали глаз от сцены. Они отлично поняли главный намек автора пьесы и по достоинству оценили усилия Грегори и его людей.

По окончании представления царь пожелал выразить свою милостивую благодарность самому пастору, молодому Блуентросту и остальным исполнителям, спросив при этом, каких они

желают наград? Один из актеров-любителей сказал, что давно мечтает о воинской карьере и попросил чин стрелецкого сотника — его просьба была немедленно исполнена. Со своей стороны, пастор Грегори от лица труппы поднес его величеству текст пьесы, игравшейся в тот день, переплетенный в сафьян с позолотой.

После встречи Грегори с царем и несомненных знаков его высокого благоволения положение при дворе его отчима, доктора Блументроста, заметно улучшилось. Он был удостоен личной аудиенции царя, в финале которой Алексей Михайлович оделил Блументроста подарками, пожаловал деньгами, бархатом, сукном, соболями и серебряной посудой, а главное, объявил свою волю — назначить его лейб-медиком, положив доктору очень приличное жалование (130 руб. в год и «столовых денег» по 50 руб. в месяц). Верная и усердная служба, слава ученого и удачная медицинская практика снискали ему благоволение не только самого Алексея Михайловича, но и его наследников: царя Федора Алексеевича, правительницы Софьи и Петра Великого.

После первого успеха пастор Грегори и его сводный брат Лаврентий Христиан стали готовиться к новым постановкам на придворной сцене. На «филипповский» пост (перед Рождеством) состоялось несколько представлений «Эсфири», а 21 января 1673 года магистр Иоганн Готфрид за труды по устройству комедии «Артаксерсово действо» получил в награду «сорок» соболей (особая мера меховой казны — соболевых шкурок, из которых можно сшить одну шубу), оцененных в 100 руб., и пару соболей в 8 руб. Это было очень щедрое вознаграждение.

На следующий день, 22 января 1673 года, в годовщину бракосочетания с Натальей Кирилловной, царь, находя, что многочисленному царскому семейству неудобно зимой ездить в Преображенское смотреть спектакли, приказал: в Кремле «...Над Аптекой, что на Дворце, в полатах построить хоромину как быть комедийному действу». Над постройкой «хоромины» трудились двадцать пять стрельцов, роспись помещений и подготовку декораций осуществляла артель живописца Андрея Абакумова, которой помогал придворный мастер «перспективного письма» голландец Петер Инглисс (в другой транскрипции — Энглес или Энгельс), свояк Хюбнера и знакомый Грегори. В новом

помещении в начале масленицы было дано несколько спектаклей, в которых приняли участие ученики Грегори, а также оркестр под управлением полковника фон Штадена.

Свое новое произведение Грегори создал также по ветхозаветному сюжету о Юдифи и Олоферне, со вставными номерами арий и хоров из различных немецких обработок сюжета о Юдифи. На русском языке спектакль назывался «Комидия как Олаферна царица царю голову отсекла». Характерно, что из сотен библейских сюжетов опять был выбран тот, где шла речь о героине, спасшей свой народ. Видимо, такой поворот темы чем-то был близок царю. Это представление также очень понравилось Алексею Михайловичу и его семье.

В конце масленичной недели в кремлевском придворном театре состоялась премьера совершенно нового жанра, еще невиданного в России: балета на музыку немецкого композитора Генриха Шютца (1585–1672) «Орфей и Эвридика». В либретто был использован перевод латинского первоисточника на немецкий язык виттенбергского профессора Августа Бюхнера. Впервые этот балет был поставлен на сцене дрезденского театра в 1638 году, с тех пор игрался много раз. Для саксонцев, служивших при русском дворе и знакомых с балетным искусством, «Орфей» являлся своего рода «театральной классикой». История о привязанности двух влюбленных душ, вероятно, также нашла понимание у царя. Сохранился отчет об этом представлении, написанный вскоре после просмотра выходцем из Курляндии, польским дипломатом Рейтенфельдсом. Он совсем нелицеприятен: «Узнавши, что при дворах других европейских государей в употреблении разные игры, танцы и прочие удовольствия для приятного препровождения времени, царь нечаянно приказал, чтобы все это было представлено в какой-то французской пляске. По краткости назначенного семидневного срока сладили дело, как могли. В другом месте прежде представления следовало бы извиниться, что не все в должном порядке, но тут это было бы совершенно лишнее: костюмы, новость сцены и стройность неслыханной музыки, весьма естественно, сделали самое счастливое для актеров впечатление на русских, доставили им полное удовольствие и заслужили удивление. Сперва царь не хотел, чтобы тут была музыка, как

вещь новая и некоторым образом языческая, но когда ему сказали, что без музыки точно также невозможно танцевать, как и без ног, то он предоставил все на волю самих артистов. Во время представления царь сидел перед сценой на скамейке; для царицы с детьми (от первого брака) был устроен род ложи, из которой они смотрели из-за решетки, или правильнее сказать, через щели досок, а вельможи (больше не было никого) стояли на самой сцене. Орфей прежде, нежели начать пляску между двух подвижных пирамид, пропел похвальные стихи царю».

Спектакль имел успех. На Пасхальной неделе, 6 апреля 1673 года, пастор Грегори, Георг Хюбнер и все остальные «комедианты» были приглашены в царский дворец и допущены к руке Алексея Михайловича. Прежде ни один лютеранский пастор и дети иностранцев к этой церемонии не допускались. После этой церемонии артисты и их руководители были приглашены к праздничному столу, что было неслыханной честью для столь незнатных с точки зрения московских нравов людей. Судя по всему, царь Алексей Михайлович отнесся к театральным представлениям с полной серьезностью. О том, что новое культурное явление решено было сделать постоянным, свидетельствует приказание пастору Грегори основать в Немецкой слободе школу «по исправлению комедий», иными словами театральное училище. Высший надзор за школой осуществлял Артамон Сергеевич Матвеев, лично отобравший из москвичей Мещанской слободы 26 человек, которых по его приказу 16 июня 1673 года отправили в распоряжение пастора Грегори для обучения актерской игре и пению. Московским студентам этой театральной школы было назначено жалованье: «...Велено было с того числа, как начали они ходить в ученье у мастера Ягана и впредь, покамест в ученье будет, по 4 деньги на день».

Театральные представления после Великого поста возобновились не сразу, а только летом, после Троицына дня, в селе Преображенском — летней резиденции царя. Там выступали актеры «старой труппы». В актерской школе Немецкой слободы с новичками занимался уже упоминавшийся Гасенкраух, органист Симон обучал музыкантов. Первая демонстрация способностей и знаний слободской театральной школы состоялась осенью 1673 года.

В октябре ученики Грегори сыграли на дворцовой сцене представление — «История в лицах о праведном Товии». Это была, опять же, ветхозаветная история о человеке, которому помогал ангел. И сценарий представления, и его постановка — дело самого пастора. Финансовые заботы взял на себя Матвеев. По мнению специалистов, постановка недешево обошлась казне — на костюмы, декорации и прочее было истрачено 30 руб. — по тем временам очень значительные средства. Однако затраты вполне окупились: спектакль имел успех. По распоряжению Алексея Михайловича театральная школа продолжила работу. По некоторым сведениям тогда же была поставлена пьеса о Егории Храбром (на темы жития Георгия Победоносца).

Еще одной премьерой русского придворного театра стала «Малая прохладная комедия об Иосифе», также на ветхозаветный сюжет о проданном в рабство младшем брате и его последующем возвышении. Какую аллегория здесь видел царь — остается только догадываться. Кроме того, была организована постановка совершенно светского содержания. Актеры сыграли историческую пьесу с неожиданным сюжетом — «Комедию о Тамерлане и Баязете», излагавшую историю разгрома османского султана Баязета среднеазиатским воителем Тимуром. Она же называлась «Темир-Аксаково действо». Выбор темы свидетельствует о том, что Грегори не только свободно ориентировался в библейских сюжетах, что было неудивительно для пастора, но был сведущ также и в истории. Вероятно, в сюжете видели намек на русско-турецкие отношения.

В рождественский мясоед 1674 года комедии давались во дворце в Кремле, 24–26 февраля — на Масленичной неделе — в Преображенском, а 27 февраля — опять в Кремле. Поскольку театральные принадлежности были только в одном экземпляре, декорации и весь реквизит перевозили с места на место. Придворный театр был обеспечен всем необходимым. В перечне реквизита значились орган, рамы, на которые натягивались холстины декораций, ковры, сукна, столы «и всякий иной наряд». На перевозку театрального имущества требовалось 18 подвод. Несколько раз перевозили вслед за театром и «комедийную школу»: органиста Симона с его учениками, Гасенкрауха и его подопечных, да и всех музыкантов, что играли во время представлений — за ними посылали

8 подвод. На старой сцене в Преображенском во время масленичных гуляний было дано представление «Как Юдифь отсекала голову царю Олоферну». Музыкальное оформление спектакля было роскошно — «играли на органах немцы да люди двора Артамона Сергеевича Матвеева». На спектакль «Как Артаксеркс наказал гордого Амана» царь прибыл со всем семейством — женой и дочерьми-царевнами от первого брака, в том числе с будущей правительницей Софьей. Обе пьесы были разделены на семь действий, действия — на «сени» (явления). Они имели пролог. Грегори предусматривал и «междосение» (интермедию), сочетая в своих произведениях элементы комического и трагического, высокий библейский настрой и бытовые эпизоды. Спектакли отличались пышностью и богатством оформления, их обслуживало не менее двухсот человек. В последний день масленицы, в Преображенском дано было музыкальное представление. Помимо царского семейства, музыку слушали бояре, окольные, думные дворяне, думные дьяки, ближние, стольники и «всяких чинов люди».

После наступления Великого поста 1674 года имущество театра снова увезли в Москву, спектакли были прекращены. В Великий пост никаких развлечений не полагалось. Последние представления в Кремле были даны в зимний мясоед 1675 года — одно из них 11 февраля, в четверг на масленицу. Оно началось в десятом часу вечера, а кончилось в пятом часу пополуночи, следовательно, продолжалось около семи часов. Выбор времени постановок свидетельствует, что их пытались вписать в традиционный церковный календарь с правильным соотношением молитв и развлечений. Одной из последних постановок была «Жалобная комедия об Адаме и Еве». В это время в связи с болезнью Грегори постановками руководил Ю. Хюбнер, доработавший тексты пьес.

Несмотря на большой успех, который сопутствовал театру, рожденному Грегори в Немецкой слободе и получившему «высочайшее» одобрение, просуществовал он недолго. Главный режиссер и драматург, пастор Иоганн Готфрид Грегори, тяжело заболел и в том же 1675 году поехал в Европу лечиться, но вскоре умер в родном Марбурге, где и был похоронен. Созданный Грегори театр пережил своего основателя всего лишь на год. Им пробовал руководить Георг Хюбнер, потом дело поручили учителю

Чижинскому. Спектакли продолжались до кончины царя Алексея Михайловича, последовавшей в январе 1676 года. Унаследовавший его трон сын от первой жены Милославской, царь Федор Алексеевич больше интересовался церковной музыкой. Любимец прежде царя боярин Матвеев был свергнут и отправлен в ссылку. Православное духовенство смотрело на театральные забавы без восторга. В результате театральная история России взяла 36-летний антракт.

Дальнейшие успехи отечественного театра связаны с именем младшей дочери Алексея Михайловича и царицы Натальи Кирилловны — царевны Натальи Алексеевны, унаследовавшей от матери любовь к этому искусству. Непосредственно с Григори этот этап развития русского театра уже не связан. Но память о пасторе сохранилась. Ее сберег прежде всего соратник Григори Лаврентий Рингубер, записки которого «Relation du voyage en Russie fait en 1684», изданные в Берлине в 1883 году, и по сей день служат главным источником для биографии первого российского театрального деятеля.

Пастор Григори был примерным семьянином, как и подобает лютеранину. Он был женат на Элизабет, урожденной фон Гельзен (в России — Алена Ивановна), имел двух сыновей и дочь. Его сын Юрий Иванович (Георг Готфрид) (ок. 1660 — после 1695) был лекарем, в 1690-е годы числился при московском Аптекарском приказе. Другой его сын, Иоганн Готфрид, был аптекарем. Дочь — Устинья Ивановна (она же Юстина Мария Елизабет) (ок. 1672 — после 1720) была женой генерала А. А. Вейде.

Остается добавить, что пастор Григори сам стал театральным персонажем. Его изобразил в своей пьесе «Комик XVII столетия» классик русской драматургии А. Н. Островский. Это произошло через двести лет после начала театральной жизни в России, в 1872 году.

Литература: Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672–1725 гг. СПб., 1874. Т. 1; Цветаев Д. В. Генерал Николай Бауман и его дело. М., 1884; Иоганн-Готфрид Григори, пастор Московской Немецкой слободы (1658–1680) // Исторический вестник. 1885. Т. 21. № 9; Морозов П. О. Очерки из истории русской драмы XVII и XVIII вв. СПб., 1888; Цветаев Д. В. Первые немецкие школы в Москве и основание придворного немецкого театра.

Варшава, 1889; *Богоявленский С.* Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914; Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII века. М.-Л., 1957; *Асеев Б.* Русский драматический театр XVII–XVIII веков. М., 1958; *Старикова Л. М.* Театральная жизнь старинной Москвы. М., 1988; *Ярхо В.* Театр пастора Грегори // История. 2009. № 14.